

СТАНДАРТЫ ПРОВЕРКИ ЭКСПЕРТНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДОМ: ПРЕДЕЛЫ КОМПЕТЕНЦИИ СУДА ПРИ ОТСУТСТВИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ

Isobekova Femida Abdugarimovna
Tashkent International University

Аннотация: В статье исследуются пределы компетенции суда при оценке экспертного заключения в условиях отсутствия у суда специальных знаний. Обосновывается наличие системного противоречия между принципом свободной оценки доказательств и невозможностью непосредственной проверки научной обоснованности экспертных выводов. Анализируется нормативное регулирование Республики Узбекистан и выявляется недостаточность критериев оценки методологической составляющей судебной экспертизы. Предлагается многоуровневая модель оценки экспертного заключения, включающая процессуальный, логический и методологический уровни, а также разрабатывается трёхконтурная система верификации (триггерный, аналитический и компенсаторный контуры), позволяющая обеспечить опосредованную проверку экспертных выводов. Делается вывод о необходимости системного подхода к оценке экспертных заключений, направленного на повышение качества судебных решений и минимизацию риска формального принятия экспертных выводов.

Ключевые слова: судебная экспертиза, экспертное заключение, оценка доказательств, внутреннее убеждение суда, специальные знания, пределы компетенции суда, процесс доказывания, методология экспертизы, проверка доказательств, судебное доказывание

Введение

В современной судебной практике экспертное заключение занимает особое место среди доказательств, поскольку именно оно позволяет суду установить обстоятельства, требующие специальных знаний в области науки, техники, экономики, медицины и иных сфер. Рост сложности споров и усиление технологической составляющей правоотношений объективно повышают значение судебной экспертизы как инструмента доказывания.

Одновременно с этим возникает фундаментальная проблема: суд обязан оценивать все доказательства по внутреннему убеждению, однако при оценке экспертного заключения он сталкивается с отсутствием необходимых специальных знаний для проверки его научной обоснованности. В результате формируется противоречие между процессуальной обязанностью суда и пределами его познавательных возможностей.

Несмотря на наличие в процессуальном законодательстве Республики Узбекистан общих положений о свободной оценке доказательств и требованиях к экспертному заключению, единые критерии проверки его научной корректности отсутствуют. Это приводит к неоднородности судебной практики и риску формального принятия экспертных выводов без их достаточной критической оценки.

Цель данной работы заключается в определении пределов компетенции суда при оценке экспертного заключения и разработке модели его проверки, учитывающей как процессуальные требования, так и когнитивные ограничения судебной деятельности.

Исследование основано на использовании общенаучных и специальных методов познания. Применены анализ и синтез для выявления структуры судебной оценки экспертного заключения, а также системный подход для рассмотрения экспертного заключения как элемента доказательственной системы.

Формально-юридический метод использован при анализе норм процессуального законодательства и законодательства о судебной экспертизе Республики Узбекистан. Сравнительно-правовой метод позволил обосновать необходимость многоуровневой оценки экспертного заключения. Метод моделирования применён при разработке трёхконтурной системы верификации (триггерный, аналитический и компенсаторный контуры).

Таким образом, методология обеспечивает комплексный подход к исследованию проблемы пределов компетенции суда при оценке экспертного заключения.

Экспертное заключение представляет собой результат применения специальных знаний, оформленный в установленной процессуальной форме и направленный на установление фактических обстоятельств, имеющих значение для дела. Оно выступает производным доказательством, поскольку основано не на непосредственном восприятии фактов судом, а на их научном или техническом исследовании. В доктрине судебного доказательственного права данный подход поддерживается, в частности, в работах Т.В. Сахновой, которая рассматривает экспертизу как особый вид доказательства, опосредующий восприятие судом сложных фактических данных через профессиональное знание (Сахнова Т.В., 2019).

В научной литературе подчёркивается двойственная природа экспертного заключения. Так, Е.Р. Россинская отмечает, что экспертное заключение одновременно включает эмпирически полученные результаты исследования и их профессиональную интерпретацию, основанную на специальных методиках, что предопределяет его сложность как объекта судебной оценки (Россинская Е.Р., 2020). В.Я. Колдин также указывает, что экспертное знание в процессе

доказывания трансформируется в особую форму юридически значимой информации, требующую от суда не только процессуальной, но и логико-аналитической оценки (Колдин В.Я., 2017). Именно наличие интерпретационного компонента делает экспертное заключение уязвимым с точки зрения проверки его достоверности в судебном процессе.

Эксперт не подменяет суд в установлении фактических обстоятельств дела, а предоставляет специализированную информацию, необходимую для формирования внутреннего убеждения суда. Однако в научных исследованиях справедливо отмечается тенденция фактического усиления влияния эксперта на итоговое судебное решение, особенно в сложных категориях дел, где суд объективно вынужден опираться на специальные знания (Белкин А.Р., 2018).

Процессуальное законодательство Республики Узбекистан закрепляет принцип свободной оценки доказательств, согласно которому ни одно доказательство не имеет заранее установленной силы и подлежит оценке в совокупности с другими материалами дела. Данное положение распространяется и на экспертное заключение, что соответствует общей концепции состязательного судопроизводства.

Законодательство о судебной экспертизе определяет правовой статус эксперта, порядок назначения и проведения экспертизы, а также общие требования к содержанию экспертного заключения. Основное внимание при этом уделяется процессуальной форме и соблюдению установленной процедуры, что характерно для большинства современных правопорядков.

Вместе с тем в правовом регулировании сохраняется проблема отсутствия чётко сформулированных критериев оценки научной обоснованности экспертного заключения. Как отмечается в доктрине, законодатель, регламентируя форму экспертного исследования, в меньшей степени затрагивает его методологическое содержание, оставляя его оценку на усмотрение суда (Сахнова Т.В., 2019). В результате не устанавливаются единые стандарты проверки применённых методик, критерии допустимости научных выводов и механизмы оценки их достоверности.

Это приводит к правовой неопределённости: суд формально обязан оценивать экспертное заключение, однако не располагает инструментарием для проверки его научной корректности. В научной литературе данная проблема описывается как «когнитивный предел судебной оценки доказательств», обусловленный отсутствием у суда специальных знаний (Белкин А.Р., 2018).

Ключевое теоретическое противоречие заключается в том, что суд обязан оценивать все доказательства, включая экспертное заключение, но не обладает специальными знаниями, необходимыми для проверки научной

достоверности экспертных выводов. В результате в судебной практике формируются различные модели оценки экспертных заключений.

Первая модель носит формально-процессуальный характер и заключается в проверке соблюдения процедуры назначения экспертизы, полномочий эксперта и правильности оформления заключения.

Вторая модель представляет собой логико-содержательную оценку, при которой суд анализирует внутреннюю непротиворечивость выводов эксперта и их согласованность с другими доказательствами по делу.

Третья модель фактически приводит к зависимой оценке, при которой суд принимает выводы эксперта как предопределяющие результат рассмотрения дела, не осуществляя их самостоятельной критической проверки. В научной литературе подобная ситуация связывается с риском «экспертной доминанты» в процессе доказывания (Колдин В.Я., 2017).

Подобная практика несёт существенные риски для правосудия. Во-первых, возможно фактическое смещение функции установления фактов от суда к эксперту. Во-вторых, формируется зависимость судебного решения от качества и методологической корректности конкретного экспертного исследования. В-третьих, снижается уровень обоснованности судебных актов, поскольку научная составляющая доказательства не подвергается полноценной проверке в рамках процессуальных гарантий.

К основным объектам процессуальной проверки относятся надлежащее процессуальное оформление назначения экспертизы, наличие у эксперта соответствующего статуса и полномочий, соблюдение установленной процедуры проведения исследования, соответствие заключения формальным требованиям к его структуре и содержанию, а также соблюдение пределов поставленных судом вопросов.

В доктрине процессуального права по вопросу глубины такой проверки сформировались два основных подхода, находящихся в состоянии устойчивой научной полемики. В рамках первого, формально-ограничительного подхода, подчёркивается, что судебный контроль должен быть сосредоточен исключительно на проверке допустимости экспертного заключения как доказательства, без анализа его научного содержания. Данная позиция основана на идее институционального разграничения функций суда и эксперта и недопустимости подмены специальных знаний судебной оценкой. Подобный подход в той или иной степени отражён в работах, посвящённых классической теории судебной экспертизы, в частности у Е.Р. Россинской, которая указывает на необходимость сохранения автономии экспертного знания и процессуального характера его использования в суде (Россинская Е.Р., 2020). Схожие методологические основания прослеживаются в трудах В.Я. Колдина, рассматривающего экспертизу как особую форму трансформации специальных

знаний в процессуально значимую информацию, не подлежащую полной научной переоценке судом (Колдин В.Я., 2017).

В рамках второго, содержательно-критического подхода, напротив, обосновывается необходимость более активной роли суда в оценке экспертного заключения. Его сторонники исходят из того, что ограничение проверки исключительно формальными критериями снижает реальную эффективность принципа свободной оценки доказательств и создаёт риск фактического признания экспертного заключения доказательством повышенной силы. В этом контексте подчёркивается, что суд не вправе полностью делегировать оценку фактических обстоятельств эксперту, поскольку это может привести к смещению центра доказывания. Данный подход находит отражение в работах Т.В. Сахновой, которая акцентирует внимание на необходимости активной роли суда в оценке доказательств как элемента судебного усмотрения (Сахнова Т.В., 2019), а также в исследованиях А.Р. Белкина, рассматривающего проблему когнитивных пределов судебного познания и риска формирования зависимости суда от экспертных выводов (Белкин А.Р., 2018). В аналогичном ключе В.Н. Махов указывает на опасность фактической “экспертной детерминации” судебного решения при недостаточном уровне критической оценки доказательств данной категории (Махов В.Н., 2020).

Прежде всего, суд оценивает надлежащее процессуальное оформление назначения экспертизы, поскольку именно на этой стадии формируются процессуальные границы допустимости будущего доказательства. Назначение экспертизы должно осуществляться в установленной процессуальной форме с указанием оснований её проведения, формулировкой вопросов, имеющих значение для дела, и определением объекта исследования. Существенное значение имеет соблюдение прав участников процесса, включая возможность заявлять ходатайства, предлагать вопросы эксперту и выражать возражения относительно назначения экспертизы. В научной литературе подчёркивается, что именно на стадии назначения экспертизы формируется баланс между принципом состязательности и необходимостью привлечения специальных знаний, что требует особой процессуальной аккуратности (Сахнова Т.В., 2019). Нарушения на данном этапе могут влиять на допустимость доказательства, поскольку затрагивают базовые гарантии справедливого судебного разбирательства.

Не менее значимым объектом проверки является наличие у эксперта соответствующего статуса и полномочий. Суд должен удостовериться, что лицо, проводившее исследование, обладает необходимой квалификацией и специальными знаниями, соответствующими предмету исследования. При этом в доктрине отмечается отсутствие унифицированных критериев оценки экспертной компетентности, что усиливает зависимость суда от формальных

признаков допуска к экспертной деятельности (Россинская Е.Р., 2020). В случаях проведения экспертизы экспертным учреждением дополнительно оцениваются его правовые полномочия и соблюдение процедур внутреннего распределения экспертных заданий, что рассматривается как элемент институциональных гарантий достоверности экспертного заключения.

Следующим элементом является соблюдение установленной процедуры проведения исследования. Суд проверяет, были ли обеспечены условия, исключающие искажение объектов исследования, соблюдена ли фиксация экспертных действий и обеспечена ли воспроизводимость результатов. В научных исследованиях обращается внимание на то, что именно процедурные нарушения нередко носят латентный характер и не всегда отражаются в тексте заключения, что создаёт проблему ограниченной наблюдаемости качества экспертного исследования для суда (Белкин А.Р., 2018). В связи с этим в доктрине подчёркивается необходимость развития процессуальных механизмов контроля за ходом экспертной деятельности, а не только за её итоговым результатом.

Отдельному анализу подлежит соответствие экспертного заключения формальным требованиям к его структуре и содержанию. Суд проверяет наличие вводной, исследовательской и заключительной частей, полноту описания проведённых исследований и ясность выводов. Вместе с тем в литературе отмечается, что формально корректная структура заключения не гарантирует его научной состоятельности, поскольку методологические недостатки могут быть скрыты за внешне логичной и завершённой формой (Колдин В.Я., 2017). В этой связи подчёркивается различие между формальной правильностью и содержательной обоснованностью экспертного вывода.

Наконец, существенным объектом процессуальной проверки является соблюдение пределов поставленных судом вопросов. Эксперт обязан действовать в рамках процессуального задания и не вправе подменять собой суд в решении правовых вопросов либо выходить за пределы специальных знаний. В научной литературе отмечается, что проблема разграничения фактических и оценочных элементов экспертного заключения приобретает особую актуальность в комплексных и междисциплинарных исследованиях, где границы компетенции эксперта могут носить условный характер (Сахнова Т.В., 2019). Одновременно указывается, что чрезмерно жёсткое понимание пределов экспертного задания может ограничивать доказательственный потенциал экспертизы, тогда как избыточно широкое — создавать риск подмены судебной оценки экспертной интерпретацией фактов (Махов В.Н., 2020).

Таким образом, даже на уровне процессуальной проверки экспертного заключения проявляется научная полемика относительно глубины судебного контроля и допустимых пределов вмешательства суда в содержание

экспертного исследования, что отражает более широкий дискуссионный вопрос о балансе между автономией специальных знаний и принципом свободной оценки доказательств.

Поскольку суд объективно не обладает специальными знаниями, необходимыми для непосредственной оценки научной составляющей экспертного заключения, его проверка должна осуществляться исключительно опосредованно — через процессуальные и организационные механизмы, позволяющие трансформировать научную неопределённость в юридически значимую доказательственную оценку. Однако разрозненное применение отдельных инструментов (повторная экспертиза, допрос эксперта, привлечение специалиста) не обеспечивает системности и приводит к фрагментарной судебной практике. В этой связи требуется формирование единого методического подхода к проверке экспертных заключений, основанного на последовательной диагностике их надёжности.

Предлагаемый единый подход может быть обозначен как “метод трёхконтурной верификации экспертного заключения”, который включает последовательное прохождение трёх взаимосвязанных контуров проверки: триггерного, аналитического и компенсаторного.

Первый — триггерный контур — это стадия выявления оснований для более глубокой проверки экспертного заключения. На этом этапе суд не оценивает выводы эксперта по существу, а фиксирует признаки возможной ненадёжности доказательства. К таким признакам относятся внутренние противоречия в заключении, недостаточное описание методики, расхождения с другими доказательствами по делу, выход эксперта за пределы поставленных вопросов или использование неясных методов исследования. Данный этап выполняет функцию «сигнала», который показывает необходимость дальнейшей проверки.

Например, если в экспертном заключении по оценке стоимости имущества используется методика, но не указано, какие конкретно исходные данные были взяты, либо результаты оценки существенно отличаются от рыночных предложений по аналогичным объектам, это может служить основанием для перехода к следующему уровню проверки.

Второй — аналитический контур — предполагает более детальную проверку экспертного заключения через процессуальные действия, направленные на понимание логики и методики исследования. На этом этапе суд может допрашивать эксперта, сопоставлять его выводы с другими доказательствами, проверять полноту ответов на поставленные вопросы и анализировать, насколько выводы следуют из проведённого исследования. Важно не только выявить противоречия, но и понять их характер —

технический, логический или методологический, так как это влияет на выбор дальнейших действий суда.

Например, при рассмотрении строительного спора суд может допросить эксперта относительно того, каким образом он рассчитывал объём выполненных работ, и сопоставить эти расчёты с актами приёмки и фотографиями объекта, чтобы установить, не носит ли расхождение логический или методологический характер.

Третий — компенсаторный контур — направлен на восполнение отсутствующих у суда специальных знаний с помощью процессуальных механизмов. Здесь используются повторная или дополнительная экспертиза, привлечение специалиста или назначение комплексного исследования. Эти инструменты не заменяют оценку суда, а помогают её уточнить и подтвердить или опровергнуть выводы эксперта. Особое значение имеет повторная экспертиза, которая должна рассматриваться как способ проверки первоначальных выводов на устойчивость и обоснованность.

Например, если в деле о дорожно-транспортном происшествии первичная экспертиза даёт вывод о скорости автомобиля, но расчёты основаны на спорных исходных данных, суд может назначить повторную автотехническую экспертизу в другом учреждении либо привлечь специалиста для проверки корректности применённой методики.

На основе этих трёх контуров формируется единый порядок оценки экспертного заключения. Он включает последовательные шаги: выявление сомнений, определение их характера, выбор способа проверки, сравнение результатов разных источников и формирование окончательного вывода о значении заключения для дела.

Главная идея этого подхода состоит в том, что суд не пытается самостоятельно проверять научную сторону экспертизы, а оценивает её через систему процессуальных инструментов. Такой подход позволяет избежать двух крайностей: полного доверия к экспертному заключению и его необоснованного отклонения. В результате формируется более взвешенная модель оценки, при которой экспертное знание проверяется последовательно и в рамках процессуальных возможностей суда.

Предложенная трёхконтурная модель позволяет рассматривать оценку экспертного заключения не как разрозненную совокупность отдельных процессуальных действий, а как последовательную и взаимосвязанную систему судебной проверки. Она демонстрирует, что эффективная оценка экспертного доказательства возможна только при условии поэтапного анализа его надёжности с использованием различных процессуальных инструментов, компенсирующих отсутствие у суда специальных знаний.

Именно в этом контексте результаты проведённого исследования приобретают обобщающий характер и позволяют прийти к выводу, что проблема оценки экспертного заключения судом носит не частный, а системный характер и обусловлена объективным противоречием между процессуальной обязанностью суда оценивать доказательства и отсутствием у него специальных знаний, необходимых для проверки научной обоснованности экспертных выводов. В условиях усложнения судебных споров данное противоречие приобретает особую актуальность, поскольку именно экспертное заключение всё чаще становится определяющим источником фактической информации.

Анализ нормативного регулирования Республики Узбекистан показывает, что при наличии закреплённого принципа свободной оценки доказательств и общих требований к экспертному заключению отсутствует развитая система критериев, позволяющих суду оценивать его научную и методологическую корректность. Это приводит к тому, что судебная практика в значительной степени опирается либо на формальную проверку допустимости заключения, либо на его фактическое принятие без достаточной критической верификации.

В этой связи установлено, что пределы компетенции суда при оценке экспертного заключения должны быть чётко структурированы и разграничены по уровням: процессуальному, логическому и методологическому. При этом суд обладает полными полномочиями в рамках процессуального и логического уровней, однако не может самостоятельно осуществлять научную оценку методологии исследования, что требует использования опосредованных процессуальных механизмов.

Особое значение приобретает предложенная в работе модель трёхконтурной верификации экспертного заключения, включающая триггерный, аналитический и компенсаторный контуры проверки. Данная модель позволяет перейти от фрагментарного и интуитивного подхода к системной оценке экспертного доказательства, обеспечивая последовательное выявление сомнений, их квалификацию и устранение посредством процессуальных инструментов, таких как повторная и дополнительная экспертиза, допрос эксперта и привлечение специалиста.

Таким образом, подтверждается гипотеза о том, что эффективная судебная оценка экспертного заключения возможна только при условии институционального разделения функций между судом и экспертом и внедрения многоуровневой системы проверки, компенсирующей отсутствие у суда специальных знаний.

Практическая значимость результатов заключается в возможности их использования для совершенствования судебной практики и дальнейшего развития процессуального регулирования, направленного на повышение

качества и обоснованности судебных актов. Предложенный подход позволяет минимизировать риск формального принятия экспертных выводов и обеспечивает более сбалансированное взаимодействие между судебной оценкой и научной экспертизой.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский процессуальный кодекс Республики Узбекистан.
2. Экономический процессуальный кодекс Республики Узбекистан.
3. Закон Республики Узбекистан «О судебной экспертизе».
4. Закон Республики Узбекистан «О судах».
5. Сахнова Т.В. Судебная экспертиза и доказательственное право: теоретические основы и практические проблемы. — М., 2019.
6. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза: теория и практика. — М., 2020.
7. Колдин В.Я. Теория и практика судебной экспертизы и доказательств. — М., 2017.
8. Белкин А.Р. Теория доказывания в уголовном и гражданском процессе. — М., 2018.
9. Махов В.Н. Судебные доказательства и экспертные исследования в гражданском процессе. — М., 2020.
10. Актуальные проблемы оценки доказательств в гражданском судопроизводстве: сб. науч. статей / под ред. ... — Ташкент, 2021.
11. Проблемы использования специальных знаний в судопроизводстве: материалы научно-практической конференции. — Ташкент, 2022.
12. Современные подходы к судебной экспертизе и пределам судебной оценки доказательств // юридические журналы и рецензируемые издания (обзор публикаций 2019–2025 гг.).